

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА МЕКСИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1910—1917 гг.

Б. Т. Руденко

За последнее время, особенно в 60-е годы, в СССР вышло много работ, посвященных социально-экономической и политической истории Мексики. Все больше внимания уделяется анализу социально-экономических и политических преобразований, имевших место в Мексике в новейшее время¹. В исследованиях советских ученых, так же как и во многих трудах прогрессивных мексиканских авторов, выполненных, как правило, на широкой источниковедческой основе², делается попытка более глубоко и всесторонне подойти к рассмотрению ряда важных для понимания современных проблем Мексики вопросов. В настоящей статье автор стремится рассмотреть некоторые из этих вопросов, требующих пристального внимания и дальнейшего изучения. К ним относятся прежде всего проблемы, связанные с историей формирования классовой структуры мексиканского общества. Вопрос о том, когда, в каких исторических условиях определились основные черты социальной структуры мексиканского общества как общества буржуазного, тесно связан с определением хронологических рамок перехода Мексики от докапиталистической к буржуазной стадии развития³.

¹ Большой интерес представляет защищенная недавно в Институте всеобщей истории АН СССР диссертация: Н. М. Лавров. Мексиканская революция 1910—1917 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М. 1970. См. также: А. Ф. Шульговский. Мексика на крутом повороте своей истории. М. 1967; О. Г. Клесмет. Мексика. М. 1969; Е. В. Ковалев. Социально-политические преобразования в Мексике (1930—1960 гг.). «Вопросы истории», 1970, № 6.

² Среди последних работ мексиканских ученых следует отметить Jesus Silva Herzog. Breve Historia de la Revolución Mexicana. Mexico. 1962, его же предисловие к книге: Emilio Romero Espinosa. La Reforma agraria en Mexico. Mexico. 1963; Daniel Cosío Vilegas. Historia Moderna de Mexico. El porfiriato. Vida economica. Vol. VII, tt. I, II. Mexico. 1965; Alonso Aguilar Monteverde. Dialectica de la economia Mexicana. Mexico. 1968; Gerardo Unzueta. Penetración en el pasado, polemica contemporánea. «Nueva Época», 1969, abril—mayo.

³ В настоящее время эти проблемы широко дискутируются в мексиканской научной литературе и связываются со многими другими вопросами, касающимися характеристики основных этапов истории Мексики. Наиболее четко эти вопросы ставит Монгеверде в книге «Диалектика развития мексиканской экономики», вышедшей в 1968 году. Марксистский исследователь Херардо Унсуэта в статье-рецензии на эту книгу, помещенной в теоретическом журнале Мексиканской компартии, следующим образом формулирует эти вопросы: 1. Можно ли рассматривать режим испанского колониального господства в Мексике как рабовладельческий? Если с этим согласиться, то значит ли это, что феодализм в Мексике начинается с войны за политическую независимость? 2. Не правильнее ли предположить, как это утверждают другие, что феодализм был типичен для всей колониальной жизни? 3. Когда завершился феодализм в Мексике и начался капитализм? В годы войны за независимость или в период гражданской войны 1855—1857 гг.? А может быть, в конце XIX и начале XX в. или с началом революции 1910—1917 гг.? (Gerardo Unzueta. Op. cit., p. 20).

В Мексике этот переход начался в конце XVIII в. и завершился в основных чертах в начале второй половины XIX в. буржуазной революцией 1855—1857 годов. Прогрессивный мексиканский экономист и социолог Алонсо Агилар Монтеверде справедливо связывает этот переход с длительным процессом ликвидации колониальной экономики в стране и постепенным включением Мексики в мировой капиталистический рынок⁴. Развитие Мексики по капиталистическому пути заметно ускорилось в последней трети XIX и в начале XX века. Под воздействием как внутренних, так и внешних факторов в это время здесь произошли значительные социально-экономические сдвиги.

В стране мучительно медленно и с большим трудом утверждался буржуазный способ производства. Изданные в 1859—1860 гг. законы о реформе, предусматривавшие национализацию церковных земель и последовавшие за ней уже во времена диктатуры Диаса (1877—1911 гг.) грандиозные земельные спекуляции, связанные с кампаниями по разграничению и колонизации земель и прочими земельными реформами, утвердили буржуазную собственность на землю и создали огромную резервную армию труда, ставшую источником формирования сельскохозяйственного, а позднее и индустриального пролетариата. На объективно-буржуазные последствия преобразований 50-х и 60-х годов и земельных спекуляций конца XIX в. справедливо обращает внимание один из видных прогрессивных мексиканских ученых, Хесус Сильва Эрсог. «Законы о реформе и конституция 1857 г., с одной стороны, и законы о колонизации и о «свободных землях» — с другой, — пишет он, — ...содействовали необычайной концентрации земельной собственности в конце XIX и начале XX века. Множество земель, принадлежавших общинам, земель общего пользования и земель, находившихся у мелких собственников, перестали существовать, а многим тысячам людей, владевших и пользовавшихся ранее этими землями, ничего другого не оставалось делать, как добывать себе пропитание, став пеонами в ранчо, в средних и крупных асьендах; а так как предложение рабочих рук превосходило спрос на них, неумолимо вступал в силу закон спроса и предложения»⁵.

В конце XIX — начале XX столетия в Мексике все более заметно проявляется разделение труда в национальном масштабе. Растет удельный вес населения, занятого в несельскохозяйственных отраслях производства. Постепенно ослабляется экономическая замкнутость и изоляция отдельных районов, и вместе с тем усиливается процесс расширения местных рынков. В сельском хозяйстве появляется сектор, обслуживающий потребности экспорта. Все это, и в особенности развитие обрабатывающей промышленности и строительство железных дорог, не могло не содействовать постепенному сближению отдельных, ранее экономически разобщенных частей страны и созданию предпосылок к образованию единого национального рынка.

В период диктатуры Диаса, которая представляла собой одну из наиболее реакционных разновидностей буржуазной политической надстройки, в Мексике складывался и развивался капиталистический способ производства, уживавшийся, однако, с докапиталистическими укладами и часто органически вплетающийся в эти отсталые формы. Поэтому характеристика сложившихся во время правления Диаса социальных отношений в Мексике в целом как феодальных, которую дают некоторые мексиканские историки, является весьма спорной⁶. В свете

⁴ Alonso Aguilar Monteverde. Op. cit., p. 60.

⁵ Jesus Silva Herzog. Op. cit., pp. 35, 36.

⁶ Так, разоблачая реакционный характер сложившихся в то время в мексиканской деревне порядков, основанных на господстве крупных латифундий, Рафаэль Рамос Педруэса называет эти порядки «порфиристским феодализмом» (Rafael Ramos Pedrueza. La lucha de clases a traves de la Historia de Mexico. «Ensayo marxista». T. I. Mexico. 1936, pp. 235, 236). Эту же мысль, но более четко выражает Ломбардо Толедано, который говорит, по существу, о господстве феодальных производственных от-

новых данных традиционные представления о том, что борьба в этот период шла между феодализмом (представленным режимом Диаса) и буржуазией, уступают место более точным оценкам социально-экономических структур и социальных сил, участвовавших в борьбе. Спор действительно шел между старым и новым. Но понятия «старое» и «новое» в Мексике того времени оказались более сложными, чем понятия «феодализм» и «капитализм». Сложность обстановки была порождена главным образом тем, что капитализм развивался в стране на основе сложившихся здесь еще в эпоху испанского господства отношений, не устранившихся с помощью радикальных мер, как это имело место во многих других случаях. Он как бы «проник» в старые отношения и часто даже сохранял их одежды.

Эта особенность в развитии капитализма в Мексике нашла свое отражение как в экономической, так и в социальной жизни страны. Земля, хотя и была монополизирована кучкой крупных реакционных помещиков, находилась в свободном товарном обращении. Крупный мексиканский землевладелец, который и ранее мало походил на традиционного феодала, во многих случаях превратился в буржуазившегося помещика. И не только потому, что он сам стремился использовать буржуазные методы ведения хозяйства и соответствующие формы эксплуатации у себя в поместье, но и в связи с тем, что наряду с поместьем он зачастую имел фабрику или завод. Капиталы многих помещиков вкладывались не только в сельское хозяйство, но и в промышленность и торговлю. Помещики участвовали в финансовых операциях. В гораздо более четких формах буржуазные отношения утверждались в промышленности и в обмене. Страна встала на путь создания современных средств сообщения и связи. Все это придавало облику Мексики черты, свойственные государствам, вступившим в начальную стадию промышленного развития, совершавшегося в условиях крайней отсталости и беспощадной эксплуатации страны иностранными капиталистами.

В этой связи особого внимания заслуживают взгляды, высказанные по данным вопросам в работах современных прогрессивных мексиканских ученых, занимающихся проблемами социально-экономической истории мексиканского общества. В одной из своих последних книг Монтеверде выдвигает положение, что в Мексике капитализм стал господствующим способом производства как раз тогда, когда буржуазный мир совершил переход к империалистической стадии развития, то есть в конце XIX — начале XX столетия⁷. Этот тезис поддерживает Унсуэта. Однако он предупреждает об опасности абсолютизации капиталистической тенденции в развитии Мексики того времени. Соглашаясь в основном с Монтеверде, Херардо Унсуэта считает, однако, необходимым подчеркнуть большое значение докапиталистических пережитков в социально-экономической жизни страны. «Правильность утверждения о том, что социально-экономическая структура Мексики в конце XIX века не являлась феодальной или полуфеодальной,— пишет он,— не вызывает никаких сомнений. Но, соглашаясь с этим положением, нужно вместе с тем признать большое значение сильных пережитков феодализма, выразившихся в таких реально существовавших формах, как алькабала, пеонаж, лавка помещика, цеховые привилегии и т. п., которые сохранились

ношений в Мексике того периода, против которых выступила мексиканская буржуазия в революции 1910—1917 гг. (Vicente Lombardo Toldano. Carta a la juventud sobre la Revolución Mexicana, su origen, desarrollo y perspectivas. Mexico. 1960, p. 30). О «почти феодальной внутренней структуре» мексиканского общества и «феодальной организации Мексики» пишет также Рауль Мехия Суньига (Raul Mejia Zuniga. La Revolución Mexicana (Ensayo Historico). Mexico. 1965, pp. 52, 53). Моисес Очоа Кампос в одной из своих последних работ называет сложившийся в Мексике строй нефеодализмом, который, по его мнению, достиг наибольшего расцвета во время правления Диаса (Moises Ochoa Campos. La Revolución Mexicana. T. 1. Mexico. 1966, pp. 11, 66).

⁷ Alonso Aguilar Monteverde. Op. cit., p. 203.

в Мексике до конца века и препятствовали свободному обращению товаров и образованию единого национального рынка»⁸. Аналогичных взглядов придерживается и Эрсог. Он считает, что сложившиеся в конце XIX и начале XX в. отношения в Мексике не были феодальными. По его мнению, существовавший в то время в стране общественный строй нельзя характеризовать как феодальный, так как он не имел черт, присущих европейскому феодализму в период его расцвета. С точки зрения Эрсога, феодальных черт были лишены и главные социальные представители мексиканской деревни: асьендадо и пеон. «Во многих случаях,— отмечает автор,— мексиканский помещик-асьендадо был акционером горнорудных предприятий, а также рантье. По уровню жизни, привычкам и связям он ничем не отличался от коммерсанта, промышленника или финансиста. В действительности [этот] асьендадо являлся буржуа, а не феодальным сеньором. Но этот буржуа имел также поместья, что придавало ему специфические черты»⁹. Мнение, которое высказывает автор о пеоне и пеонаже как системе эксплуатации, также отражает то объективное положение, в котором находился труженик мексиканской деревни накануне революции 1910—1917 годов.

Пеонаж как систему эксплуатации Мексика унаследовала еще со времен испанской колонизации. Но было бы неправильно рассматривать этот институт в неизменном виде. Пеонаж накануне революции 1910—1917 гг. значительно отличался от пеонажа начала и даже середины XIX столетия. По существу, он имел уже буржуазное происхождение, ибо был результатом массовой экспроприации земли у крестьянства и общинных индейских племен вследствие проводившейся в конце XIX в. политики разграничения и колонизации так называемых пустующих земель. Нищая, лишенная средств существования мексиканская деревня стала источником огромных трудовых резервов. Так образовалась почва для возникновения самых варварских и паразитических форм эксплуатации бывших крестьян и индейцев: в городе — на фабрике или заводе, в деревне — на асьенде. Основным видом эксплуатации в сельском хозяйстве стал наемный труд, который был, однако, настолько отягчен множеством докапиталистических форм, что очень часто терял признаки «свободного» наемного труда, свойственного капиталистическому способу производства. Поэтому в Мексике и появилась такая чудовищная форма эксплуатации наемного, то есть буржуазного в своей основе, труда, как пеонаж, который нельзя отождествлять ни с классическим рабством, ни с крепостничеством, ни с плантационным рабством юга США в середине XIX в., хотя в своих разновидностях пеонаж мог напоминать и то, и другое, и третье¹⁰.

Преобразование крестьянина в пеона являлось обычно следствием его обезземеления. Лишившись земли, он вынужден был наниматься на работу к помещику, от которого получал клочок земли. За это пеон обязан был работать на помещика формально определенное число дней, а фактически — сколько было нужно помещику. Заработная плата была крайне низкой: она составляла от 25 до 40 сентаво в день, оставаясь неизменной, несмотря на рост цен. Но и эту ничтожную сумму пеон не получал на руки; ему платили особыми бонами, его заставляли брать

⁸ Gerardo Unzueta. Op. cit., p. 29.

⁹ Entrevista con el profesor Silva Herzog el 7 de diciembre de 1963. Versión de L. Cordoba R., p. 6 (архив автора).

¹⁰ Эрсог придерживается именно этой точки зрения: «Пеон мексиканской асьенды не может называться крепостным в собственном смысле этого слова точно так же, как асьендадо не может быть назван феодалом, а весь аграрный строй времен правительства Диаса — феодализмом... Чтобы иметь характеристики, более соответствующие истине, было бы точнее... назвать пеона наемным рабочим, асьендадо — крупным земельным собственником, а аграрный строй асьенды — определенной системой собственности на землю» (Jesus Silva Herzog. El agrarismo mexicano y la reforma agraria. Mexico. 1959, p. 130).

в счет заработной платы товары по высоким ценам в имевшихся при каждой асьенде долговых лавках (так называемые тьенда де райя), обманывали при расчетах и множеством нитей привязывали к асьенде, обрекая на вечную кабальную зависимость от помещика. Такие пережитки прошлого, как долговая кабала и лавка помещика, сохранившиеся в Мексике до конца XIX в.¹¹, а во многих случаях и до самой революции 1910—1917 гг., играли главную роль в системе пеонажа. «Лавке помещика,— пишет Эрсог,— принадлежала исключительно важная роль в этой системе. Пеону и его семье в ней продавались одеяла, мыло, кукуруза, бобы, водка и многие другие товары по ценам, как правило, более высоким, чем рыночные, и не всегда хорошего качества. Заработная плата выплачивалась в товарах, и только не реализованный в лавке небольшой ее остаток платили деньгами. В лавке велся тщательный учет долгов, которые переходили от отцов к детям и никогда не могли быть погашены потому, что скудное жалованье не могло обеспечить элементарные потребности пеона и его семьи. Для помещика было выгодно иметь пеона-должника, так как таким образом было легче привязать его к земле и эксплуатировать его»¹².

Особая роль в поддержании выгодных для класса господ порядков в мексиканской деревне принадлежала церкви, выполнявшей роль «идеологического кнута» по отношению к пеону. Церковь проповедовала верующим христианское отречение и смирение, обещая послушным рай небесный, а непокорным адские муки в преисподней. Если же экономическое и моральное принуждение не обеспечивало в должной мере покорность пеона, тогда использовались такие имевшиеся в распоряжении могущественного землевладельца средства, как тюрьма, телесные наказания и насильственная отправка в армию¹³. Эрсогу принадлежит наиболее законченное описание подневольного труда мексиканского пеона конца XIX — начала XX века. Вместе с тем он меньше всего склонен рассматривать мексиканского крестьянина того времени как крепостного или как раба. Он считает, что пеон действительно подвергался жестокой эксплуатации, «но этот мексиканский крестьянин... в центральных районах республики (которые Эрсог называет «сердцем Мексики»), подчеркивая решающее значение этих районов для всей страны.—Б. Р.) не работал бесплатно на помещика определенное количество дней, как это делал крепостной землепашец для сеньора-феодала. Форма эксплуатации мексиканского пеона была отличной от той, которая применялась в эпоху феодализма при эксплуатации крепостных»¹⁴. Эта точка зрения, отнюдь не подвергая сомнению жестокость и бесчеловечность существовавших тогда методов эксплуатации, наиболее объективно выражает социальную характеристику мексиканского пеона накануне революции 1910—1917 гг., когда развитие буржуазных отношений достаточно глубоко проникло и в мексиканскую деревню, иногда представляя собой чудовищное сочетание старого и нового, каким и являлся, собственно говоря, пеонаж. Правильность этих суждений подтверждается, в частности, теми обстоятельствами, что в начале XX в. значительная часть пеонов использовалась в мексиканских асьендах в качестве наемных рабочих сезонно и поэтому не могла быть «закрепощена» с помощью таких средств экономического принуждения, как долговая кабала. Американский буржуазный историк Генри Паркс приводит, например, данные, из которых следует, что накануне революции под долговой кабалой нахо-

¹¹ Унсуэта считает, что выплата заработной платы, основанная на долговой кабале, сохранялась в Мексике по меньшей мере вплоть до конца XIX в. (Gerardo U n z u e t a. Op. cit., p. 24).

¹² Jesus Silva Herzog. El agrarismo mexicano y la reforma agraria, p. 134.

¹³ Ibid.

¹⁴ Entrevista con el profesor Silva Herzog el 7 de diciembre de 1963. Version de L. Cordoba R., p. 6 (архив автора).

дилось около половины сельского населения Мексики. Это справедливо рассматривается как факт варварской эксплуатации миллионов грузе-ников мексиканской деревни¹⁵. Вместе с тем напрашивается вывод, что вторая половина сельского населения, очевидно, уже не находилась под долговой кабалой и относилась к категории «свободно» продающих свою рабочую силу.

В связи с новыми явлениями в мексиканской деревне, главным образом развитием обрабатывающей промышленности и появлением новых промышленных районов, постепенно изменялся экономический облик страны. К началу XX в. центрами экономической активности стали три образовавшиеся к тому времени зоны наибольшей концентрации промышленности: Центральная (включая Федеральную округ, штаты Пуэбла, Халиско, Гуанахуато), Северная (главным образом Монтеррей, где начала развиваться современная металлургическая промышленность) и побережье Мексиканского залива (прежде всего текстильный фабричный район Орисабы). Зона Центра производила почти половину промышленной продукции страны, север — 29% и район залива — 13%. По статистическим данным за 1902 г., в этих трех наиболее развитых промышленных зонах находилось 77% предприятий, было занято 83% рабочих и производилось 92% промышленной продукции страны. В пяти штатах, наиболее важных с точки зрения развития промышленности, производилось 57% продукции всей обрабатывающей промышленности. При этом обращает на себя внимание крайняя неравномерность промышленного развития. В то время как в наиболее развитых штатах, таких, как Нуэво-Леон, Федеральная округ, Мехико, Веракрус и Пуэбла, производилось 57,7% промышленной продукции, на долю штатов Нижняя Калифорния, Чиapas, Колима, Кампече, Тамаулипас приходилось всего 1,2%¹⁶.

Обрабатывающая промышленность концентрировалась главным образом в зонах Центра и Мексиканского залива. С точки зрения факторов, определявших такое размещение, наиболее интересна Центральная зона. В начале XX в. к этой зоне, становившейся основным ядром национального рынка, сходились почти все направления коммуникаций страны. Здесь находились наиболее заселенные районы и главные экономические центры, все время растущие и обнаруживавшие по мере экономического развития способность осваивать новую технику и сбывать готовую продукцию. Характерно было и обилие рабочей силы, прошедшей подготовку в ремесленных мастерских. Поэтому не случайно Федеральная округ стал в первом десятилетии XX в. главным центром обрабатывающей промышленности Мексики. За ним следовали Нуэво-Леон, Пуэбла и Гвадалахара.

Изменения в экономике страны определяли характер демографических процессов. За тридцать лет, предшествовавших революции 1910—1917 гг., значительно выросло население в главных промышленных центрах. Вдвое увеличилось население в г. Мехико, более чем в четыре раза — в Монтеррее, в тринадцать раз — в Орисабе. В структуре самостоятельного населения происходили изменения, которые отражали сложные процессы, имевшие место в экономике, и главным образом отставание сельского хозяйства. С 1895 по 1910 г. ежегодный прирост самостоятельного населения составлял 0,8%. Если взять этот же показатель по главным отраслям экономики, то увидим, что в сельском хозяйстве он составлял 1,3%, а в промышленности — только 0,6%¹⁷. Самостоятельное население в сельском хозяйстве возрастало более быстрыми темпами, чем в промышленности. Это объяснялось рядом причин. Но главная

¹⁵ Г. Паркс. История Мексики. М. 1949, стр. 269.

¹⁶ Daniel Cosío Villegas. Op. cit. Vol. VII, t. I, pp. 391, 392.

¹⁷ Ibid., p. 401.

из них заключалась в том, что в сельском хозяйстве продолжали применяться экстенсивные методы, в то время как обрабатывающая промышленность шла по пути интенсификации производства.

В промышленности производство росло не за счет увеличения занятых рабочих, а за счет улучшения его технологии и повышения квалификации рабочего класса¹⁸. Это подтверждается качественными изменениями в структуре рабочего класса за данный период, вызванными вытеснением ремесла и мануфактуры фабричным производством. «Прогресс фабричного производства задержал развитие ремесла и в то же время создал более широкое поле для применения труда и поглощения рабочей силы, освободившейся в результате разорения кустарных предприятий»¹⁹. Так протекал в Мексике процесс превращения свободного ремесленника XIX в. в пролетария, фабричного рабочего. Путь, которым формировался индустриальный пролетариат, был обычным для буржуазного общества, хотя и имел некоторые особенности, характерные для слаборазвитой страны, находившейся в сильной экономической зависимости от иностранных монополий. По сравнению с развитыми капиталистическими странами в Мексике этот процесс запоздал более чем на полвека. Молодость рабочего класса, формировавшегося за счет недавних ремесленников и пришедших из деревни пеонов и индейцев, определила его слабость, подверженность незрелым, главным образом мелкобуржуазным, идеологическим влияниям и настроениям.

Такие явления, как возникновение обрабатывающей промышленности, ориентирующейся на внутренний рынок, и появление в главных чертах свойственной буржуазному обществу социальной структуры, отражали вступление Мексики на буржуазный путь развития. Буржуазной в своей основе, несмотря на ее крайне реакционные формы, была и политическая надстройка. Мексиканский социолог Кампос справедливо замечает, что «для либеральной революции в Мексике (имеется в виду буржуазная революция 1855—1857 гг., возглавлявшаяся Хуаресом.— Б. Р.) порфиризм (реакционный режим диктатуры Порфирио Диаса.— Б. Р.) являлся тем же, чем наполеоновский режим для французской революции. В свое время и в той обстановке они оба означали консолидацию буржуазного государства»²⁰.

Конечно, о Мексике того периода нельзя судить по сравнительно продвинувшимся по капиталистическому пути секторам хозяйства. Наряду с ними, в особенности в сельском хозяйстве, существовали самые отсталые и примитивные формы и уклады. Эта отсталость была связана не только с реакционным помещичьим землевладением, но и с наличием сохранившихся еще с давних времен индейских племен и племенных объединений, обитавших главным образом в географически изолированных районах и использовавших примитивные формы ведения хозяйства²¹. В силу этих обстоятельств складывавшиеся в то время буржуазные отношения в Мексике далеко не везде выступали в чистом виде. Напротив, как уже отмечалось, во многих случаях они были смешаны с докапиталистическими формами отношений и затемнены последними. Это проявлялось как в деревне, так и в городе — на фабриках или на рудниках²². Однако Мексика не избежала общих, закономерных для со-

¹⁸ За период с 1895 по 1910 г. общая численность рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, увеличилась с 553 тыс. до 606 тыс., то есть примерно на 10% (Ibid., p. 402).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Moises Ochoa Campos. Op. cit. Т. II. Mexico. 1966. p. 14.

²¹ В 1910 г. индейское население Мексики составляло 1 685 864 чел., или 11,1% от общего количества населения. Эта этническая группа, в свою очередь, распалась на племенные союзы и отдельные племена (Moises Ochoa Campos. Op. cit., Т. II, p. 69).

²² Хосе Мансисидор пишет, что во времена Диаса каждая фабрика превратилась в феодальное владение, и приводит следующее описание порядков на одной из фабрик, расположенных близ Керетаро: «Сеньоры Рубио превратили фабрику «Геркулес» в по-

временного общества путей развития. В начале XX в. она была страной, где уже господствовали буржуазные отношения. Именно это определяло и классовый характер противоречий и присущую буржуазным отношениям социальную структуру мексиканского общества.

Общую картину социальных, классовых отношений, сложившихся в Мексике к концу XIX — началу XX в., можно представить только с учетом этих реальных факторов. Такой подход позволяет видеть, что именно в это время в Мексике уже сложилась в основных чертах классовая структура, характерная для буржуазного строя. Развивавшийся буржуазный уклад придавал этой структуре большую четкость, постепенно стирая расовые и этнические различия, присущие отдельным социальным группам мексиканского общества еще с периода испанской колонизации. Преобладающее влияние социально-экономического фактора на формирование структуры мексиканского общества становилось все более очевидным. Конечно, задержка экономического развития страны приводила подчас к консервации ярко выраженных этнических черт отдельных народностей и племен, существовавших в условиях полуизоляции, а иногда и полной изоляции в отдаленных районах. Но лицо нации, главные тенденции в развитии ее социальной структуры все больше определялись не характеристиками отдельных наиболее отсталых групп населения и районов, а новыми экономическими и культурными центрами, где под влиянием буржуазных отношений формировались и новая социальная структура и новый физико-биологический и культурный облик мексиканца. Мексиканская нация, подобно другим нациям, формировалась прежде всего на основе социально-экономического развития. Поэтому характеристика структуры мексиканского общества того времени, исходя только из расового или этнического признака (как это в свое время делал один из первых буржуазных исследователей структуры мексиканского общества, Андрес Молина Энрикес), справедливо расценивается как попытка подменить классы и социальные прослойки этническими и расовыми категориями²³.

По сравнению с исследованиями Андреса Молины Энрикеса, который подразделял население Мексики того периода на три основные социальные группы — креолов, метисов и индейцев²⁴, методология изучения классовой структуры мексиканского общества, применяемая социологами и историками Мексики, ушла значительно вперед²⁵. При опреде-

ление самостоятельной республики. Они, а не правительство диктуют на этой фабрике законы, заставляют подчиняться им, наказывают тех, кто их нарушает (судят преступников)» (Jose Mansisidor. *Historia de la Revolución Mexicana*. Mexico. 1959, p. 39).

²³ См. М. С. Альперович. *Война за независимость Мексики (1810—1824)*. М. 1964, стр. 405. Моисес Очоа Кампос также замечает: «Говорить о том, что в то время креолы и метисы были составными частями социальной структуры,— это анахронизм, так как старые касты уже не существовали» (Moises Ochoa Campos. *Op. cit.* Т. II, p. 61).

²⁴ Andres Molina Enriquez. *Las clases sociales mexicanos durante el porfiriato* (Fragmento de «Las grandes problemas nacionales»). Mexico. 1908). Опубликовано в «Ensayos sobre las clases sociales en Mexico», Mexico. 1968, p. 47 (см. также Abelardo Villeda s. Andres Molina Enriquez y las grandes problemas nacionales. «Anuario de Historia», Mexico. 1962, pp. 115—147).

²⁵ Своеобразное исключение составляют взгляды современного мексиканского социолога Пабло Гонсалес Касанова, выдвинувшего версию, которая получила название теории «мархиализма». Согласно этой теории, все население Мексики делится на две основные части: группу пользующихся продуктами и благами прогресса и группу не пользующихся этими благами. Последняя представляет собой суперэксплуатируемую часть населения, находящуюся «за бортом» цивилизации. Первая, господствующая группа называется испанской, или группой, говорящей на испанском языке; вторая — туземной, или индейской. В своей классификации Касанова исходит из того, что Мексика является слаборазвитой, не затронутой мировым процессом индустриализации страной, в которой город «колониализировал» деревню, а на международной арене она сама входит в состав «мировой деревни». Из этого делается вывод, что положения Маркса относительно социальной структуры «классического капитализма», или «ин-

лении положения той или иной группы в обществе они все большее значение придают экономическому фактору. Буржуазный историк и социолог Мендьета и Нуньес, например, дает следующее определение понятия «классы»: «Общественные классы — это большие группы людей, отличающихся друг от друга по своей культуре и экономическому положению»²⁶. Мексиканский социолог Моисес Очоа Кампос рассматривает общественный класс «как открытый (не «кастовый». — *Б. Р.*) и динамичный сектор населения государства, который характеризуется более или менее одинаковым уровнем жизни входящих в его состав людей и формируется в результате взаимодействия экономического и культурного факторов, определяющихся данной политической системой». Согласно концепции этого автора, в формировании общественных классов участвуют в равной степени как экономический, так и культурный и политический факторы, причем последний якобы выполняет «завершающую» работу. По его мнению, общественный класс «возникает в определенных экономических условиях, приобретает определенный культурный облик и окончательно формируется под воздействием порядков, установленных в обществе политическим строем». Определяя социальную структуру мексиканского общества начала XX в., Моисес Очоа Кампос фактически берет в качестве основного критерия такой экономической показатель, как отношение данной социальной группы к собственности. «В 1910 году мексиканское общество было разделено на три больших общественных класса: низший (народные массы); средний класс; и высший, или зажиточный, класс»²⁷. Исходной для классификации служит в данном случае собственность, богатство: не имеющие собственности, не располагающие богатством относятся к «низшему» классу; все те, кто располагает крупной недвижимой собственностью в городе и деревне или владеет крупным капиталом, относятся к высшему, обеспеченному классу. К этим двум основным группировкам добавляется третья — «средний класс», к которому относятся «ни богатые, ни бедные». Главный недостаток этой классификации заключается в том, что понятие «классы» здесь не связывается с исторически определенной системой общественного производства, а самый класс не рассматривается как социальный фактор, занимающий определенное место в системе общественного производства.

Отвечая на вопрос, что такое классы, В. И. Ленин писал: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»²⁸. Поскольку в Мексике кануна революции 1910 г. «историче-

дустриального общества», не могут быть применены к «социальной эволюции» стран типа Мексики. Развитие капитализма как фактора, уже давно определяющего социальные процессы в Мексике, по существу, игнорируется. Между тем это развитие, особенно в последние годы (имеется в виду прежде всего развернувшийся в Мексике после второй мировой войны процесс индустриализации), поставившее под вопрос тезис о «слаборазвитости» и развеявшее миф о принадлежности Мексики к «мировой деревне», наглядно демонстрирует искусственность подобных теоретических построений. Что же касается деления Мексики на «испанскую, или креольскую» и «туземную, или индейскую», то это весьма похоже на возврат к методологии Энрикеса, которая была непригодна даже для времен Порфирио Диаса (см. Pablo Gonzales Casanova. *La democracia en Mexico. Mexico. 1965, pp. 62—65; e j u s d. Enajenacion y conciencia de clases de Mexico. «Ensayos sobre las clases sociales en Mexico», pp. 152—154).*

²⁶ Цит. по: «Ensayos sobre las clases sociales en Mexico», p. 50.

²⁷ Moises Ochoa Campos. *Op. cit.* Т. II, pp. 10, 61.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 15

ски определенная система общественного производства» была представлена отношениями, в которых буржуазный уклад «общественного хозяйства» являлся господствующим, постольку в структуре мексиканского общества уже выделялись как основные классы буржуазия, пролетариат и крестьянство. Конечно, каждый из этих классов, в свою очередь, имел сложную и своеобразную структуру, так же как сложны и во многом своеобразны были социально-экономические черты породившего эти классы мексиканского общества.

Последнее относится прежде всего к мексиканской буржуазии. Мексиканские буржуазные исследователи не употребляют термина «буржуазия» для обозначения господствующей социальной группы накануне революции 1910—1917 годов. Они называют ее, как это уже отмечалось, «высшим, или зажиточным, классом мексиканского общества». Мендьета и Нуньес называют следующие признаки «высшего класса»: обладание богатством, прибылями, капиталом, властью; утонченный образ жизни, полной материального и духовного комфорта; чувство полной уверенности и сословной гордости; реакционное и консервативное мировоззрение и т. д.²⁹ Раскрывая далее понятие «высший класс», мексиканские авторы, как правило, выдвигают на первый план помещиков-землевладельцев в качестве основной составной его части. Моисес Очоа Кампос пишет, например, что «крупные помещики — асьендадос — были наиболее сильной составной частью мексиканских высших классов вплоть до революции 1910 г. ...»³⁰. Действительно, эта часть господствующей группировки сохраняла в своих руках огромные богатства Мексики и занимала командное положение в диасовской администрации. Однако наиболее сильной и перспективной частью господствующего слоя с точки зрения развития капитализма были не просто крупные помещики — асьендадос, а богатые помещики-буржуа, крупные мексиканские промышленники, торговцы и банкиры, поскольку они занимали ведущие позиции в буржуазных производственных отношениях страны. Только «богатство», то есть чисто количественные показатели, не является достаточным критерием для характеристики класса. Игнорирование качественного момента приводит к тому, что не принимается во внимание то исключительно важное обстоятельство, что накануне революции 1910—1917 гг. значительная часть мексиканских помещиков, продолжая заниматься сельским хозяйством (перестраивая его главным образом на капиталистический лад), вместе с тем пустила глубокие корни в промышленности, торговле, активно участвовала в банковских операциях и т. д. Фигура помещика-буржуа становилась типичной для страны, и это отражало одну из важных особенностей развития капиталистических отношений в Мексике. Все это дает основание называть именно буржуазию господствующим классом Мексики того времени.

Мексиканская буржуазия начала XX в. представляла собой сравнительно небольшую группу людей. Она эксплуатировала и присваивала себе труд других социальных слоев, составлявших подавляющее большинство мексиканского общества. К классу буржуазии принадлежали крупные промышленники, торговцы, банкиры, обуржуазившиеся помещики и остальная масса помещиков. Последние представляли самое реакционное крыло класса буржуазии, так как, будучи втянутыми в капиталистические отношения (в силу объективного процесса экономического развития страны), они в то же время оставались тесно связанными

²⁹ Цит. по: Moises Ochoa S a n t r o s. Op. cit. Т. II, p. 163.

³⁰ Ibid., p. 165. Следует заметить, что ненаучное употребление термина «класс» приводит этого автора к смешению понятия «класс» с политически господствующей на данном этапе группировкой класса (иногда называемой «олигархией», или «плутократией»). «Высший класс,— пишет он,— был создан в колониальную эпоху еще испанцами... Но в период порфиризма новый класс крупных помещиков вместе с иностранными вкладчиками составил господствующую плутократию» (ibid.).

с различными докапиталистическими формами хозяйства. К этим группам буржуазии, являвшимся ядром класса, примыкали высший слой чиновников государственного аппарата, генералитет армии, церковные сановники, крупные юристы, видные врачи и другие представители интеллигенции. Различия в положении, которое занимали отдельные группы буржуазного класса в системе производственных отношений, определяли в конечном итоге их политические позиции. Конфликт, который возник в начале XX в., например, между правительством Диаса и возглавляемой буржуазившимся помещиком Франциско Мадеро либерально-буржуазной оппозицией, был в основе своей конфликтом между промышленно-торговой и помещичьей группировками буржуазного класса.

Представление о силе и влиянии основных групп класса буржуазии можно составить по данным официальной мексиканской статистики, а также подсчетам мексиканского буржуазного социолога Итурриаги. Последний не выделяет в «высшем» классе группы людей, связанных с промышленностью, торговлей, сельским хозяйством; он просто делит эту категорию населения Мексики на сельских и городских представителей «высшего класса». К «высшему» классу автор относит 183 000 чел. из 12 698 330, составлявших население страны в 1895 г., то есть 1,44% от общего числа ее жителей. Из этого числа 49 542 чел. (0,39% населения) представляли городской «высший класс», а 133 464 (1,05% населения) — сельский «высший класс»³¹. В результате продолжавшегося процесса концентрации богатств к 1910 г. численность так называемого «высшего класса» в общей массе населения страны еще больше сократилась. В этом году в Мексике из 15 160 369 чел. только 76 500, то есть 0,5%, принадлежали к «высшему классу»³². Эти данные указывают на свойственную буржуазному развитию тенденцию концентрации капитала, характерную и для Мексики начала XX века.

По мере развития буржуазных отношений в конце XIX — начале XX в. в Мексике складывался и рабочий класс, который формировался прежде всего за счет населения, занятого в обрабатывающей и добывающей промышленности³³. Показательно, что в начале XX в. особенно быстро росло число рабочих, занятых на металлургических предприятиях и в механических мастерских, представлявших собой самую развивающуюся часть обрабатывающей промышленности страны. На этих предприятиях с 1895 по 1910 г. число рабочих возросло с 35 до 56 тыс., то есть почти на 60%. В этой категории рабочих особенно быстро увеличивалось количество механиков (за эти 15 лет оно возросло с 5,7 до 23 тыс.), что было следствием повышения спроса на эту специальность в связи с введением новой техники и развитием механизации во многих отраслях промышленности³⁴. Отмечался также рост рабочих, занятых в деревообрабатывающей промышленности, на предприятиях, производящих транспортные средства, в полиграфической промышленности и т. д.

Любая из отраслей обрабатывающей промышленности Мексики того времени включала в себя наряду с современными фабриками и заводами предприятия полукустарного типа. Поэтому в общей массе рабочих, занятых в 1910 г. в обрабатывающей промышленности, наряду с фабрично-заводскими рабочими было много людей, занятых в полукустарных мастерских и предприятиях, унаследованных от мануфактур-

³¹ Подсчеты Итурриаги и Кампоса сделаны на основе анализа данных первой переписи населения Мексики 1895 г. (см. Jose E. Iturriaga. *La estructura social y cultural de México*. Mexico—Buenos Aires. 1951, p. 82; Moises Ochoa C a m p o s. *Op. cit.* T. II, p. 165).

³² Moises Ochoa C a m p o s. *Op. cit.* T. II, p. 195.

³³ Daniel Cosío V il l e g a s. *Op. cit.* Vol. VII, t. II, p. 403.

³⁴ *Ibid.*, p. 404.

ной стадии развития³⁵. Эти обстоятельства так же, как и незрелость рабочего класса в целом и общая отсталость страны, объясняют медленный рост формирования самосознания мексиканского рабочего класса, что отразилось на его роли в развернувшихся накануне и в период революции событиях. Вместе с тем варварская эксплуатация рабочего класса, исключительно тяжелое материальное положение и почти нищенский уровень жизни основной его массы превратили мексиканский пролетариат в одну из самых активных социальных сил страны, бесстрашно вставшую на путь борьбы с реакционным режимом.

Условия жизни мексиканского рабочего класса начала XX в., если взять основную массу рабочих, мало чем отличались от условий жизни пеона. Это можно сказать прежде всего о заработной плате. Хотя предприниматели вынуждены были в условиях активизации борьбы рабочих за улучшение своего положения в ряде случаев повышать номинальную заработную плату, реальная заработная плата рабочего, по существу, оставалась неизменной на протяжении всей диктатуры Диаса. В то время как минимальная дневная заработная плата в обрабатывающей промышленности Мексики поднялась с 22 сентавос в 1877 г. до 59 сентавос в 1910 г., индекс реальной минимальной заработной платы в этой же отрасли промышленности поднялся всего с 32 в 1877 г. до 36 в 1910 году³⁶. Естественно, что размеры заработной платы колебались в зависимости от отрасли промышленности, квалификации рабочего, сложности выполняемых им работ и т. д. В 1892 г., например, при средней для всей обрабатывающей промышленности Мексики дневной заработной плате в 55 сентавос литейщики получали 87 сентавос, пивовары — 67 и мыловары — 57. В каждой отрасли фабричного производства, в свою очередь, имелись группы квалифицированных, полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих, которые получали различную заработную плату. Например, в текстильной промышленности наиболее высокооплачиваемой группой рабочих были ткачи (составлявшие около 1/3 персонала фабрик), получавшие в 1896 г. 1 песо в день, прядильщики (среди которых было много детей) получали 40 сентавос в день и чесальщики (среди них преобладали женщины и дети) имели дневную заработную плату в 50 сентавос. Зарплата женщин была значительно меньше, чем мужчин. В 1902 г., например, средняя дневная заработная плата рабочих-мужчин (по стране) составляла 1,45 песо, для работниц она равнялась только 80 сентавос³⁷.

В промышленности широко использовался женский и детский труд. Женщины составляли третью часть рабочих страны. Женский труд применялся преимущественно в таких отраслях промышленности, как обувная, табачная, текстильная, пищевая, фаянсовая, стекольная. В табачной промышленности и в производстве одежды, например, 55% рабочих составляли женщины. На фабриках и заводах работало также много детей. Как писал один из посетивших Мексику английских путешественников, А. Х. Кемпбел, на мексиканских текстильных фабриках «работают такие маленькие дети, что им приходится подставлять у станка ящики». По некоторым данным, в 1896 г. на текстильных фабри-

³⁵ Некоторые исследователи этих проблем стремятся отделить рабочих, занятых на заводах и фабриках, от лиц, занятых в кустарной промышленности. Например, по данным, которые приводит Кампос, к 1910 г. в Мексике насчитывалось 400 тыс. индустриальных рабочих и 600 тыс. ремесленников «низшего уровня» (очевидно, речь идет о беднейших ремесленниках, не эксплуатируемых чужой труд), которых автор относит к «низшему классу». По подсчетам Кампоса, «рабочее и ремесленное население» Мексики достигало в то время 1 млн. чел. (Moises Ochoa Campos. Op. cit. T. II, pp. 101, 102).

³⁶ Подсчитано по ценам 1900 г. (см. Daniel Cosío Villegas. Op. cit. Vol. VII, t. II, p. 412).

³⁷ Ibid., p. 412.

как Мексики 12% рабочих составляли дети³⁸. Женщины и дети были наиболее эксплуатируемой частью мексиканского рабочего класса.

Как и в других странах, капиталистическая индустриализация в Мексике осуществлялась в первую очередь за счет жестокой эксплуатации трудящихся. Условия и общая обстановка, в которых жило большинство мексиканских рабочих, мало чем отличались от условий жизни пеона на асьенде: труд от зари до зари (10—14 часов в сутки); фабричная лавка, с помощью которой фабрикант так же снижал заработную плату рабочего, как это делал помещик с помощью лавки асьенды; жалкая лачуга для жилья; антигигиенические условия на фабрике и дома; почти полная изоляция от культурной жизни и отсутствие каких-либо возможностей дать элементарное образование детям.

Особое место в социальной структуре мексиканского общества начала XX в. занимало крестьянство, которое составляло основную массу сельского населения и было представлено главным образом пеонами. Анализируя вопрос о классовой структуре буржуазного общества, В. И. Ленин писал: «Классов в капиталистическом и полукapиталистическом обществе мы знаем только три: буржуазию, мелкую буржуазию (крестьянство, как ее главный представитель) и пролетариат»³⁹. Важная особенность структуры мексиканского общества заключалась в том, что мексиканское крестьянство в основной своей массе нельзя было отнести к классу мелкой буржуазии, то есть к тем социальным группам, которые в буржуазном обществе занимают среднее, промежуточное положение между двумя его основными классами — пролетариатом и буржуазией — и порождены мелкобуржуазным производством. Мексиканский крестьянин — пеон не был собственником земли. В начале XX в. это был в основном наемный сельскохозяйственный работник. В условиях многоукладности мексиканского хозяйства формы и методы его эксплуатации не были и не могли быть чисто капиталистическими. На эту особенность мексиканского пеонажа мы уже обращали внимание выше. Вплоть до конца XIX в. в Мексике сохранялись остатки полуфеодальных способов закрепления крестьян за помещиками, а такая их разновидность, как долговая кабала, довольно широко практиковалась и в начале XX века⁴⁰. Эти методы, унаследованные от докапиталистического этапа, были предназначены для закрепления рабочих рук за асьендой и свидетельствовали о наличии элементов принудительного и полупринудительного труда в деревне. В пеонаже можно видеть сочетание капиталистических и докапиталистических форм эксплуатации труда работника. От крестьянина как социального типа в пеоне оставалось в основном только то, что он осуществлял сельскохозяйственные работы. Во всем остальном это был наемный рабочий, ограниченный, однако, в своем праве «свободно» продавать свою рабочую силу и получать заработную плату целым рядом докапиталистических пережитков.

Эти особенности пеонажа как своеобразной, переходной формы эксплуатации сельского работника хорошо видны при рассмотрении двух основных практиковавшихся тогда в мексиканском поместье способов его использования. В Мексике конца XIX — начала XX в. существовало два типа пеонов. Первый из них — это пеоны «приусадебные» (*peon asasilado*), то есть жившие весь год со своей семьей на территории асьенды и являвшиеся, по существу, постоянными рабочими. Чтобы удержать эту часть рабочих от ухода из асьенды и избежать возникновения проблемы рабочих рук, и существовали система долговой кабалы, местная лавка помещика, репрессивные институты диктатуры, а так-

³⁸ Ibid., p. 405.

³⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 297.

⁴⁰ Gerardo Unzueta. Op. cit., p. 24.

же местные церковники и весь административный аппарат асьенды. Вторая категория пеонов была представлена поденными рабочими (*peones de tarea*), которых нанимали сезонно, чаще всего во время сева или уборки урожая⁴¹. Основная масса поденных рабочих состояла из индейцев и жителей горных районов, которые спускались в долины в сезон сева и уборки урожая и предлагали свои услуги помещикам. Но во многих (особенно южных) штатах Мексики поставщиками таких рабочих являлись правительство и местные власти, которые сдавали внаем помещикам в качестве рабочих индейцев, высланных из родных мест. Данные мексиканской статистики показывают, что количество пеонов в Мексике не уменьшалось на протяжении всего периода диктатуры Диаса. В 1895 г. их насчитывалось 2 595 162, в 1900 г. — 2 549 659 и в 1910 г. — 3 123 975. В 1910 г. из 11 672 363 человек сельского населения страны 9 500 тыс. являлись пеонами (включая членов их семей). По некоторым подсчетам, безземельная масса мексиканского крестьянства составляла в 1910 г. от 82,24% до 97,7% трудящегося населения деревни⁴². Накануне революции пеоны представляли 62,67% населения страны, то есть из каждых трех мексиканцев два были безземельными крестьянами — пеонами. Отсюда видно, какое исключительное значение для Мексики начала XX в. имела проблема обезземеленного крестьянства. Мексиканский пеонаж представлял собой особое социальное явление, бывшее следствием небывалой пауперизации основной массы сельского населения. Решение этой проблемы являлось самой важной задачей мексиканской революции 1910—1917 годов.

К массе безземельного крестьянства примыкала незначительная прослойка крестьян-парцелляриев — собственников небольших участков земли. По данным мексиканской статистики, парцеллярии составляли в 1895 г. 6% самостоятельного населения, а вместе с членами семей их насчитывалось 649 485⁴³. Положение этой категории сельского населения было очень тяжелым, в особенности в период активизации кампаний по разграничению и колонизации земель, направленных и против мелкой земельной собственности. Крестьяне-парцеллярии подвергались постоянным притеснениям, а зачастую и прямой эксплуатации со стороны крупных помещиков — асьендадос.

Что же касается класса мелкой буржуазии как такового, то в Мексике он формировался главным образом не в деревне, а в городе. Эта особенность в истории социальной структуры мексиканского общества была следствием процесса монополизации земельной собственности в руках крупных землевладельцев, препятствовавшего образованию мелкой и средней земельной собственности и породившего массовое обезземеление жителей деревни⁴⁴. Наиболее правильное представление об удельном весе мелкой буржуазии в общей массе самостоятельного населения города и деревни Мексики в конце XIX в. (1895 г.) дают подсчеты, сделанные Итурриагой. По данным автора, в «автономных» группах городского и сельского «среднего класса», которые, собственно, и составляли ядро мелкой буржуазии, насчитывалось в 1895 г. в городе 140 644 человека (с членами семей — 473 119 чел.), в деревне — 64 732 (с членами семей — 194 196 чел.)⁴⁵. Таким образом, основная часть мелкобуржуазной прослойки населения в конце XIX в. составляла 205 376

⁴¹ Raúl Mejía Zuniga. Op. cit., p. 81.

⁴² Moisés Ochoa Campos. Op. cit. Т. II, pp. 76—78.

⁴³ Jose E. Iturriaga. Op. cit., p. 35.

⁴⁴ Буржуазный исследователь Мак Брайд сообщает, что накануне революции более 95% всех глав мексиканских семей, проживавших в сельской местности Мексики (исключением являлись только 5 штатов), не имели никакой собственности. Луис Кабрера подсчитал, что к 1910 г. 90% крестьян на центральном плато Мексики не имели земли (цит. по: Natan L. Whetten. El surgimiento de una clase media en México. «Ensayos sobre las clases sociales en México», p. 56).

⁴⁵ Jose E. Iturriaga. Op. cit., pp. 68, 69.

человек (вместе с членами семей — 667 315 чел.). К «автономным» группам «среднего класса» Итурриага относит мелких и средних собственников, которые живут за счет дохода от своей собственности. В состав «автономной» группы городского «среднего класса» включаются зажиточные ремесленники, мелкие городские торговцы и предприниматели, мелкие пайщики акционерных компаний и т. п. В состав «автономной» группы сельского «среднего класса» входят мелкие помещики, ранчерос, мелкие торговцы, владельцы мастерских традиционного ремесла.

Процесс формирования мелкой буржуазии, так же как и таких прилегающих к ней слоев населения, как чиновничество, служащие различных категорий, инженеры и агрономы средней квалификации, люди свободных профессий и т. д., несколько ускорился в начале XX века. Это отражало общую тенденцию буржуазного развития мексиканского общества той эпохи. Зарождение и становление мексиканской мелкой буржуазии так же, как и остальных классов мексиканского буржуазного общества, связано с развитием промышленности, торговли, расширением рынка, ростом городов и распространением наемного труда.

Таковы были наиболее характерные черты социальной структуры мексиканского общества, на основе которой сложилась расстановка политических сил накануне буржуазной революции 1910—1917 годов. По своим основным характеристикам к началу XX в. мексиканское общество было буржуазным, хотя в его социальной структуре и имелись свои особенности, заключавшиеся прежде всего в том, что в силу господства в стране блока реакционных помещиков и агентов иностранного капитала, приведших к небывалой концентрации земельных богатств в руках немногих лиц, Мексика не прошла, по существу, «крестьянского этапа» в своем развитии. Демократический характер революции 1910—1917 гг. явился результатом активного участия в ней широких народных масс города и деревни и прежде всего безземельных крестьян — пеонов, которые стали главной движущей силой революции. Крестьянские армии Сапаты и Вальсии были революционным авангардом в вооруженной и политической борьбе, сотрясавшей Мексику на протяжении десятилетия. Особая революционность мексиканского крестьянства объясняется специфическим характером этого класса мексиканского общества. Мексиканское крестьянство не являлось, по существу, крестьянством как таковым, то есть мелкобуржуазным классом, занимающим в капиталистических производственных отношениях промежуточное положение между основными классами — пролетариатом и буржуазией, как это имело место в других капиталистических или полукapиталистических странах. Это была безземельная масса сельскохозяйственных рабочих-пеонов, людей, не имевших собственности и эксплуатировавшихся помещиками — асьендадос. В этом заключалась главная причина особой революционности мексиканской деревни. Мексиканский пеон, который являлся костяком революционных армий, боролся не только против эксплуатации его и его семьи помещиком, но и за то, чтобы получить землю, стать действительно крестьянином. Революционные потенции мексиканского крестьянства оказались столь велики, что в ходе революции оно смогло приступить к конституированию крестьянской власти и сделало попытку создать крестьянское государство, собрав в 1914—1915 гг. конвент революционных военных крестьянских вождей, который образовал свое правительство и приступил к разработке конституции. Великая крестьянская война в Мексике, возглавлявшаяся выдающимся народным вождем и героем Мексики Э. Сапаты, продемонстрировала в одно и то же время и огромные революционные возможности крестьянства и его неспособность самостоятельно, без пролетариата решить революционные задачи борьбы против строя эксплуататоров.